

А. А. Блок. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

А. А. Блок. Максим Горький

...Иногда мне кажется, что русская мысль больна страхом пред самую же собой; стремясь быть вразумной, она не любит разума, боится его.

Хитрейший змий В.В.Розанов горестно вздыхает в "Уединенном":

"О, мои грустные опыты! И зачем я захотел все знать? Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся".

У Л.Толстого в "Дневнике юности" - 51 г. 4. V - сурово сказано:

"Сознание - величайшее моральное зло, которое только может постичь человека".

Так же говорит Достоевский:

"...слишком сознавать - это болезнь, настоящая, полная болезнь... много сознания и даже всякое сознание - болезнь. Я стою на этом".

Реалист А.Ф.Писемский кричал в письме к Мельникову-Печерскому:

"Черт бы побрал привычку мыслить, эту чесотку души!"

Л.Андреев говорил:

"В разуме есть что-то от шпиона, от провокатора".

И - догадывался:

"Весьма вероятно, что разум - замаскированная старая ведьма совесть".

Можно набрать у русских писателей несколько десятков таких афоризмов все они резко свидетельствуют о недоверии к силе разума. Это крайне характерно для людей страны, жизнь которой построена наименее разумно.

Любопытно, что и П.Ф.Николаев, автор книги "Активный прогресс", человек, казалось бы, чуждый этой линии мысли, писал мне в 906-м году:

"Знание увеличивает требования, требования возбуждают неудовлетворенность, неудовлетворенный человек - несчастен, вот почему он и социально ценен, и симпатичен лично".

Совершенно непонятная и какая-то буддийская мысль.

Впрочем, и Монтэнь печально вздыхал:

"К чему вооружаемся мы тщетным знанием? О, сколь сладостно и мягко изголовье для избранных - незнание и простота сердца".

Он объяснял долголетие дикарей их незнанием наук и религии, не зная, что все это - в зародыше - есть у них. Эпикурец Монтэнь жил в эпоху религиозных войн. Он был весело мудр и находил, что каннибализм дикарей не так отвратителен, как пытки инквизиции.

Через триста лет Лев Толстой сказал о нем:

"Монтэнь - пошл".

Лев Толстой мыслил церковно и по форме и по содержанию. Не думаю, что догматизм был приятен ему, и едва ли процесс мысли давал Толстому то наслаждение, которое, несомненно, испытывали такие философы, как, например, Шопенгауэр, любясь развитием своей мысли. На мой взгляд, для Льва Николаевича мышление было проклятой обязанностью, и мне кажется, что он всегда помнил слова Тертуллиана, - слова, которыми выражено отчаяние фанатика, уязвленного сомнением:

"Мысль есть зло".

Не лежат ли – для догматиков – истоки страха пред мыслью и ненависти к ней – в Библии, VI, 1–4:

"Азazel же научил людей делать мечи и ножи... научил их разным искусствам... объяснил течение звезд и луны. И настало великое безбожие и разврат на земле, и скривились пути человеческие..."?

Все это припомнилось мне после вчерашней неожиданной беседы с А.Блоком. Я вышел вместе с ним из "Всемирной литературы", он спросил меня: что я думаю по поводу его "Крушения гуманизма"?

Несколько дней тому назад он читал на эту тему нечто вроде доклада, маленькую статью. Статья показалась мне неясной, но полной трагических предчувствий. Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу: он чувствует приближение чудовищ из тьмы и лепечет встречу им какие-то заклинания, ожидая, что это испугает их. Когда он перелистывал рукопись, пальцы его дрожали. Я не понял: печалит его факт падения гуманизма или радуется? В прозе он не так гибок и талантлив, как в стихах, но – это человек, чувствующий очень глубоко и разрушительно. В общем: человек "декаданса". Верования Блока кажутся мне неясными и для него самого; слова не проникают в глубину мысли, разрушающей этого человека вместе со всем тем, что он называет "разрушением гуманизма".

Некоторые мысли доклада показались мне недостаточно продуманными, например:

"Цивилизовать массу и невозможно и не нужно"; "Открытия уступают место изобретениям".

XIX и XX века именно потому так чудовищно богаты изобретениями, что это эпоха обильнейших и величайших открытий науки. Говорить же о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа – это, очевидно, "скифство" – и это я понимаю как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку "скифство"?

Как только мог осторожно, я сказал ему об этом. Говорить с ним трудно: мне кажется, что он презирает всех, кому чужд и непонятен его мир, а мне этот мир – непонятен. Последнее время я дважды в неделю сижу рядом с ним на редакционных собраниях "Всемирной литературы" и нередко спорю, говоря о несовершенствах переводов с точки зрения духа русского языка. Это – не сближает. Как почти все в редакции, он относится к работе формально и равнодушно.

Он сказал, что ему приятно видеть, как я освобождаюсь "от интеллигентской привычки решать проблемы социального бытия".

– Я всегда чувствовал, что это у вас ненастоящее. Уже в "Городке Окурове" заметно, что вас волнуют "детские вопросы" – самые глубокие и страшные!

Он – ошибается, но я не возражал, пусть думает так, если это приятно или нужно ему.

– Почему вы не пишете об этих вопросах? – настойчиво допытывался он.

Я сказал, что вопросы о смысле бытия, о смерти, о любви – вопросы строго личные, интимные, вопросы только для меня. Я не люблю выносить их на улицу, а если, изредка, невольно делаю это – всегда неумело, неуклюже.

– Говорить о себе – тонкое искусство, я не обладаю им.

Зашли в Летний сад, сели на скамью. Глаза Блока почти безумны. По блеску их, по дрожи его холодного, но измученного лица я видел, что он жадно хочет говорить, спрашивать. Растирая ногою солнечный узор на земле, он упрекнул меня.

– Вы прячетесь. Прячете ваши мысли о духе, об истине. Зачем?

И, раньше чем я успел ответить, он заговорил о русской интеллигенции надоевшими словами осуждения, эти слова особенно неуместны теперь, после революции.

А. А. Блок. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Я сказал, что, по моему мнению, отрицательное отношение к интеллигенции есть именно чисто "интеллигентское" отношение. Его не мог выработать ни мужик, знающий интеллигента только в лице самоотверженного земского врача или преподавателя, сельского учителя; его не мог выработать рабочий, обязанный интеллигенту своим политическим воспитанием. Это отношение ошибочно и вредно, не говоря о том, что оно вычеркивает уважение интеллигенции к себе, к своей исторической и культурной работе. Всегда, ныне и присно, наша интеллигенция играла, играет и еще будет играть роль ломовой лошади истории. Неустанной работой своей она подняла пролетариат на высоту революции, небывалой по широте и глубине задач, поставленных ею к немедленному решению

Он, кажется, не слушал меня, угрюмо глядя в землю, но, когда я замолчал, он снова начал говорить о колебаниях интеллигенции в ее отношении к "большевизму" и, между прочим, очень верно сказал:

- Вызвав из тьмы дух разрушения, нечестно говорить: это сделано не нами, а вот теми. Большевизм - неизбежный вывод всей работы интеллигенции на кафедрах, в редакциях, в подполье...

С ним ласково поздоровалась миловидная дама, он отнесся к ней сухо, почти пренебрежительно, она отошла, смущенно улыбаясь. Глядя вслед ей, на маленькие, неуверенно шагавшие ноги, Блок спросил:

- Что думаете вы о бессмертии, о возможности бессмертия?

Спросил настойчиво, глаза его смотрели упрямо. Я сказал, что, может быть, прав Ламеннэ: так как количество материи во вселенной ограничено, то следует допустить, что комбинации ее повторятся в бесконечности времени бесконечное количество раз. С этой точки зрения возможно, что через несколько миллионов лет, в хмурый вечер петербургской весны, Блок и Горький снова будут говорить о бессмертии, сидя на скамье, в Летнем саду.

Он спросил:

- Это вы - несерьезно?

Его настойчивость и удивляла, и несколько раздражала меня, хотя я чувствовал, что он спрашивает не из простого любопытства, а как будто из желания погасить, подавить некую тревожную, тяжелую мысль.

- У меня нет причин считать взгляд Ламеннэ менее серьезным, чем все иные взгляды на этот вопрос.

- Ну, а вы, вы лично, как думаете?

Он даже топнул ногою. До этого вечера он казался мне сдержанным, неразговорчивым.

- Лично мне - больше нравится представлять человека аппаратом, который претворяет в себе так называемую "мертвую материю" в психическую энергию и когда-то, в неизмеримо отдаленном будущем, превратит весь "мир" в чистую психику.

- Не понимаю, - панпсихизм, что ли?

- Нет. Ибо ничего, кроме мысли, не будет, все исчезнет, претворенное в чистую мысль; будет существовать только она, воплощая в себе все мышление человечества от первых проблесков до момента последнего взрыва мысли

- Не понимаю, - повторил Блок, качнув головою.

Я предложил ему представить мир как непрерывный процесс диссоциации материи. Материя, распадаясь, постоянно выделяет такие виды энергии, как свет, электромагнитные волны, волны Герца и так далее, сюда же, конечно, относятся явления радиоактивности. Мысль - результат диссоциации атомов мозга, мозг создается из элементов "мертвой", неорганической материи. В мозговом веществе человека эта материя непрерывно превращается в психическую энергию. Я разрешаю себе думать, что когда-то вся "материя", поглощенная человеком, претворится

А. А. Блок. Максим Горький gorki.ucoz.ru
мозгом его в единую энергию психическую. Она в себе самой найдет гармонию и замрет в самосозерцании – в созерцании скрытых в ней, безгранично разнообразных творческих возможностей.

– Мрачная фантазия, – сказал Блок и усмехнулся. – Приятно вспомнить, что закон сохранения вещества против нее.

– А мне приятно думать, что законы, создаваемые в лабораториях, не всегда совпадают с неведомыми нам законами вселенной. Убежден, что, если б время от времени мы могли взвешивать нашу планету, мы увидели бы, что вес ее последовательно уменьшается.

– Все это – скучно, – сказал Блок, качая головой. – Дело – проще; дело в том, что мы стали слишком умны для того, чтоб верить в бога, и недостаточно сильны, чтоб верить только в себя. Как опора жизни и веры существуют только бог и я Человечество? Но – разве можно верить в разумность человечества после этой войны и накануне неизбежных, еще более жестоких войн? Нет, эта ваша фантазия... жутко! Но я думаю, что вы несерьезно говорили.

Он вздохнул:

– Если б мы могли совершенно перестать думать хоть на десять лет. Погасить этот обманчивый болотный огонек, влекущий нас все глубже в ночь мира, и прислушаться к мировой гармонии сердцем. Мозг, мозг... Это ненадежный орган, он уродливо велик, уродливо развит. Опухоль, как зуб...

Помолчал, крепко сжав губы, потом сказал тихо:

– Остановить бы движение, пусть прекратится время...

– Оно прекратится, если придать всем видам движения одну и ту же скорость.

Блок взглянул на меня искоса, подняв брови, и быстро, неясно заговорил какими-то бредовыми словами, я перестал понимать его. Странное впечатление: казалось, что он срывает с себя изношенные лохмотья.

Неожиданно встал, протянул руку и ушел к трамваю. Походка его на первый взгляд кажется твердой, но, присмотревшись, видишь, что он нерешительно качается на ногах. И как бы хорошо ни был он одет, – хочешь видеть его одетым иначе, не так, как все. Гумилев даже в каком-то меховом костюме лопаря или самоеда кажется одетым, как все. А Блок требует одеяний необычных.

Только что записал беседу с Блоком – пришел матрос Балтфлота В. "за книжечками поинтересней". Он очень любит науку, ждет от нее разрешения всей "путаницы жизни" и всегда говорит о ней с радостью и верой. Сегодня он, между прочим, сообщил потрясающую новость:

– Знаете, говорят, будто один выученный американец устроил машинку замечательной простоты: труба, колесо и ручка. Повернешь ручку, и – все видно: анализ, тригонометрия, критика и вообще смысл всех историй жизни. Покажет машинка и – свистит!

Мне эта машинка тем особенно нравится, что – свистит.

В ресторане "Пекарь" барышня с Невского рассказала мне:

– Это у вас книжечка того Блока, известного? Я его тоже знала, впрочем – только один раз как-то осенью, очень поздно и, знаете, слякоть, туман, уже на думских часах около полуночи, я страшно устала и собиралась идти домой, – вдруг, на углу Итальянской, меня пригласил прилично одетый, красивый такой, очень гордое лицо, я даже подумала: иностранец. Пошли пешком, – тут, недалеко, по Караванной, десять, комнаты для свиданий. Иду я, разговариваю, а он – молчит, и мне было неприятно даже, необыкновенно как-то, я не люблю невежливых. Пришли, я попросила чаю; позвонил он, а слуга – не идет, тогда он сам пошел в коридор, а я так, знаете, устала, озябла и заснула, сидя на диване. Потом вдруг проснулась, вижу: он сидит напротив, держит голову в руках, облокотясь на стол, и смотрит на меня так строго – ужасные глаза! Но мне – от стыда – даже не страшно было, только подумала: "Ах, боже мой, должно быть, музыкант!" Он – кудрявый. "Ах, извините,

А. А. Блок. Максим Горький gorkiymaxim.ru
говоря, я сейчас разденусь".

А он улыбнулся вежливо и отвечает: "Не надо, не беспокойтесь". Пересел на диван ко мне, посадил меня на колени и говорит, глядя волосы. "Ну, подремлите еще!" И – представьте же себе! – я опять заснула, – скандал! Понимаю, конечно, что это нехорошо, но – не могу! Он так нежно покачивает меня, и так уютно с ним, открою глаза, улыбнусь, и он улыбнется. Кажется, я даже и совсем спала, когда он встряхнул меня осторожно и сказал: "Ну, прощайте, мне надо идти". И кладет на стол двадцать пять рублей. "Послушайте, говорю, как же это?" Конечно, очень сконфузилась, извиняюсь, так смешно все это вышло, необыкновенно как-то. А он засмеялся тихонько, пожал мне руку и – даже поцеловал. Ушел, а когда я уходила, слуга говорит: "Знаешь, кто с тобой был? Блок, поэт – смотри!" И показал мне портрет в журнале, – вижу: верно, это он самый. "Боже мой, думаю, как глупо вышло!"

И действительно, на ее курносом, задорном лице, в плутоватых глазах бездомной собачонки мелькнуло отражение сердечной печали и обиды. Отдал барышне все деньги, какие были со мною, и с того часа почувствовал Блока очень понятным и близким.

Нравится мне его строгое лицо и голова флорентийца эпохи Возрождения.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!